

Андрей Ефремов (Брэм)

БОЕВАЯ
РАБОТА

ВОЕННЫЕ ТАЦАНЫ

На небольшом клочке земли с непроходимыми горами до сих пор процветают древние обычаи: кровная месть и работорговля. Территория Чечни до того мала, что даже друзья детства, юности, живущие в разных концах России, могут встретиться здесь по разные стороны баррикад.

Чеченец и якут — бывшие крепкие друзья детства, жизненные пути которых разошлись после службы в армии. Один стал бандитом, другой — милиционером. Их пути пересекаются в подразделении чеченского СОБР в Грозном, где чеченец находит свою трагическую смерть на руках у своего бывшего друга детства.

Андрей Ефремов (Брэм) Военные пацаны

Часть первая Одноклассники

От автора

Для одних война — средство для наживы, для других — тяжёлая, опасная, но вполне привычная повседневная работа. А для простого чеченского народа — это горе. На относительно небольшом клочке земли с непроходимыми горами, до сих пор процветают древние обычаи кровной мести, работорговля, и трагически пересекаются судьбы разных людей. Территория Чечни до того мала, что даже друзья детства, юности, живущие в разных концах России, могут встретиться здесь по разные стороны баррикад. Горло готовы друг другу перегрызть...

Один человек сказал: «Если плюнуть в бочку с водой, то вода испортится, и из нее уже не будут пить». Первая книга «Служба нарядов» писалась по памяти. Дело в том, что записи, которые я вёл в предпоследней служебно-боевой командировке, по прибытии домой затерялись при каких-то мутных

обстоятельствах. Дневник писался в огромном размерах служебном журнале, который так и назывался «Служба нарядов», и когда бойцы его читали, некоторые всерьёз всё воспринимали, некоторые смеялись, дополняли, и выражали мнение — вполне возможно на этой основе и книгу издать.

А подтолкнул меня на написание этих заметок наш боец — старший сержант милиции Денис Мастер — парень простой, деревенский, но в последние годы живет и работает в городе. Была у него привычка часто писать письма своей сестре, и вел он маленький дневничок в новеньком служебном блокноте, — такой блокнот «Служебная книжка» выдаётся всем милиционерам.

Началось так: валяемся мы как-то в отрядной палатке на своих кроватях после хозработ, отдыхаем, я, кажется, какой-то журнал с картинками листал, а Денис дневничок заполняет и при этом сам себе вслух помогает:

— Утром ходили за дровами... потом обед был... телевизор посмотрели... Антоха, чего ещё написать можно?

Лениво отмахнулся:

— Про погоду напиши.

— О!.. Точно! — слышно — сопит, царапает — скрип-скрип, — здесь очень жа-арко...

— Но жар, при этом, костей не ломит, —

встревает находящийся рядом Саша Опер.

— Кости обычно, заметьте, — заинтересовавшись творческим процессом, вносит кто-то лепту, — ломит после работ...

Денис оттопырил указательный палец:

— Верное замечание!.. — И так далее.

Благодаря Денису у меня и появилась подобная задумка. Задумка оформить, вернее — закамуфлировать свои размышления по поводу этой войны в форме художественной прозы.

После выхода в свет первой книги и неожиданных для меня положительных отзывов, которые поначалу совершенно серьёзно воспринимал как чьи-то розыгрыши, стал искать личные блокноты, куда вписывал не только свои, но и мысли друзей, какие-то сохранившиеся старые записки, фотографии, письма и документы — так появилась вторая книга — «Блокпост 47Д». Некоторые записи в моих блокнотах сокращены до такой степени, что я до сих пор не могу вспомнить и понять — что они означают, например: «дата, на юге пр. 1 км. СОБР в 17–20 2 чеха щ ц»; «дата, ОМОН Дарго — фэйсы т». Есть такие, которые вспомнились только сейчас: «дата, ГРУ солдаты, возле речки (н.п.)» и: «дата, собаки едут, их много. Стрелять или нет?» — это явно из радиоперехвата при движении нашей колонны. «Дата, операция «бычок» — это огласке не подлежит, хотя, по

существо, и не является государственной тайной. Из того что вспомнилось и расшифровалось и нарисовалась очередная повесть-размышление, состоящая из отдельных рассказов, где причудливыми узорами переплетены и трагедия и смех.

Однажды в Ассинском ущелье местные жители мне сказали: «Асса два раза в год свистнет, двух человек заберёт» — во время сезонных разливов Ассы случаются человеческие жертвы. Люди, впервые увидевшие «речку» в межсезонье, этому утверждению верить не желают: «Её же в пять шагов перейти можно!». Да, можно, если осторожно и не в соответствующий сезон.

Есть две чечено-ингушские легенды о сотворении мира: Горы, животных и людей создал верховный бог Дяла, а когда от человека пошло потомство и племёна неимоверно размножились, Всевышний решил поделить землю между народами. Горы и глубокие ущелья, леса и шумные водопады, бурные реки и родники, стали свидетелями великого праздника людей во имя Всевышнего. Праздник удался на славу, но невероятно надолго затянулся, а когда люди, населяющие горы, пришли к Дяла, то вся земля была уже роздана другим племенам. Горцы крайне опечалились, и тогда Всевышний сжалился над

ними отдал им землю, которую оставил себе. Это были места, где облака плывут либо по поверхности земли, либо можно было наблюдать за ними сверху. Это была земля, где с покрытых вечным снегом вершин, малые ручьи стекают в грозные реки. И называли люди эту прекрасную землю — Кавказ. Чеченцы всегда рады всем, кто приходит с миром на их Землю: «Да будет твой приход свободным и здоровым, как хорошо, что ты пришёл, а мы вот только вчера о тебе вспоминали!», — скажет чеченец вместо «здравствуй». «Живи свободным!», — скажет гостеприимный чеченец, провожая.

Более древняя легенда такая: Однажды на землю спустилась огромная белая птица. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Быт.1:2) и представляла собой плоскую безводную твердь, без растений и каких-либо живых существ, даже малой мыши полевой — и той не было. Белая птица недолго побыла на этой тверди, но из её экскрементов и возникли вода и семя, из разлившейся мочи образовались моря, озёра, реки; семена развеял ветер, — из них появились растения.

И ещё: в переводе с греческого «heros» означает полубог, обожествленный человек. В догомеровские времена — X–IX век до н. э., героями в Древней Греции назывались дети бога и смертной женщины или смертного и богини, такие

как Эней, Геракл, Ахилл и т. д. Героям поклонялись, в их честь сочиняли поэмы, воздвигали храмы. Но в моих книгах, как заметил проницательный Читатель, герои, несущие службу на Северном Кавказе — простые, неприметные в быту люди — совершенно неподходящие образы для голливудских боевиков или книг с красивыми обложками. Также здесь практически не уделено внимания описаниям красивых сражений и подвигов: писавший преследовал не это. Тем не менее война присутствует и — именно благодаря таким людям: солдатам, офицерам, милиционерам — чернорабочим войны, сдерживается натиск тёмных сил нашего времени. В отличие от генералов, они — настоящие Герои. Все имена и фамилии в произведении — вымышленные, территориальность и точность в хронологии событий не гарантированы. Особо подчёркиваю — это сочинение есть плод буйной и безудержной фантазии автора, но, понимайте как хотите — отчасти основанное на реальных документах. Несмотря на все попадающиеся в тексте клятвенные заверения автора что мол «так оно и было», — не верьте, даже если найдутся живые «свидетели» описываемых событий (не сомневаюсь — найдутся): любые совпадения в чём-либо — чистая случайность. Набравшись храбрости, решил затронуть и вопросы религии, но не с целью

оскорбить чувства верующих (сам верующий), а только с тем, чтобы показать — какие пародийные ситуации иногда складываются в этой духовной сфере при неправильном понимании сути вопроса. Также — автор во многом не согласен с мыслями и поступками некоторых действующих в повествовании лиц.

Нелюди

*Еда без остатка —
еда не досыта.*

**Чеченская
пословица**

Хизир метался по полю, убегая от «Юнкерса». Кажется, фашистский летчик баловался, забавлялся, как кот с мышью: стрелял то длинными, то короткими очередями, стараясь то остановить, то подстегнуть человека для того, чтобы он повернул в другую сторону или назад. Затем уходил высоко в небо, за облака — и неожиданно, с душераздирающим воем, стремительно увеличиваясь в размерах, появлялся с другой стороны.

Вновь ушел.

Хизир увидел возле себя спасительную глубокую воронку от авиабомбы, прыгнул в нее,

сжался в комок. По краю воронки прошелся ряд бурунчиков, мелькнуло крыло низко пролетевшего самолета, да так близко, что даже успел разглядеть на нем большой нацистский крест. От страха Хизир зажмурился и накрыл голову руками, и в этот момент, судя по тому, как содрогнулась земля, совсем рядом прогремел мощный, оглушительный взрыв. Хизир открыл глаза...

«Где я?» Это уже совсем другое место. Темно, но можно разглядеть, что находится он в каком-то тесном помещении без окон, плотно набитом совершенно незнакомыми людьми. Сам Хизир лежит на полу, на каком-то прохудившемся матрасе, тут же, рядом с ним, на перевернутых днищем вверх банках, горят парафиновые свечи. «Кто я?» Хизир никого не узнает и не может понять: кто он такой, как тут оказался и что вообще здесь делает. От этого становится жутко, не по себе: «Может, я в плену?» Люди о чем-то разговаривают между собой во мраке; прямо на земляном полу напротив него сидит совершенно седой старик с закрытыми глазами и, судя по движению бороды, что-то говорит. Но Хизир ничего не слышит — такое впечатление, будто уши плотно заложены ватой. Незнакомая пожилая женщина притронулась к его плечу и тоже беззвучно шевелит губами.

— А?... — Хизир потряс головой. — Где?...

Откуда-то изнутри рваными кусками

потихоньку начала всплывать память: бомбежки, соседи, свой собственный подвал.

— ...Хизир, что с тобой?

— Я спал? — Хизир вспомнил свое имя, соседей — слух и память вернулись.

— Да вроде закончили бомбить... еще маленько подождем...

Старик все продолжает беззвучно шевелить губами. «Он молится», — догадался Хизир.

Грозный бомбили часто, подолгу и основательно. Все «счастливыцы» — обладатели надежных подвалов — во время бомбежек укрывались в них. У кого же в домах подвалов не было — прятались в соседских.

В когда-то красивом, а сейчас наполовину разрушенном доме Хизира подвал был очень хороший: добротный, вместительный, надежный. А семьи не было. Уже три месяца прошло с тех пор, как он потерял двух маленьких дочерей и жену Ольгу: их накрыл шальной артиллерийский снаряд буквально в тридцати шагах от дома.

В подвале всегда находились скромные запасы продуктов, воды и матрасы с одеялами. Все это заранее принесли соседи — во время внезапных налетов авиации времени на сборы, естественно, не было. Чувствуется, как содрогается земля от близких разрывов снарядов; одновременно сотрясается и сердце — как бы ни был глубок

подвал, но разрывы все равно слышны. При близких разрывах создается впечатление, будто дом, стоящий над подвалом, подскакивает, а затем снова встает на место.

Странно это — никто из присутствующих, даже те, которые оказывали помощь в похоронах, кажется, не сочувствуют и не скорбят по умершим по-настоящему: все привыкли к смерти. Такова уж природа человека: мало смерти — больше горя, много смерти — обыденность. Тот, кто сам страдал, умеет понять трудности другого человека и потому готов прийти ему на помощь. Кто сам не прошел через испытания, не пережил боли, тот не знает слов, которые нужно сказать своему страждущему брату или сестре; такой человек не знает, что значит сострадать. Но в том-то и дело: сострадают все, но со стороны это выглядит не так, как в привычной мирной жизни — все по-другому, более спокойно, философски и без ненужных, изматывающих душу слез и истерик.

Пережидать бомбежки и обстрелы с воздуха приходилось подолгу, поэтому времени для разговоров в этом подвале, в периоды затишья, имелось предостаточно. К тому же давно замечено — беседы как-то притупляют чувство голода. Продуктов нет ни у кого, если удастся что-то достать по случаю, люди помогают друг другу, делятся.

Соседская женщина по имени Саняйт на днях вернулась из Самашек, рассказала, что там русские солдаты убили много людей, наверное, человек двести. Об этом событии загодя предсказал один блаженный из Урус-Мартана — Малх Данги. Над Данги смеялись, но он заранее пошел в Самашки на тезет — поминки, заодно радостно приглашал всех и на свои собственные похороны: именно на поминках он обычно и наедался досыта, люди щедро угощали умалишенного. На въезде в Самашки солдаты, после издевательств, убили его и бросили мертвое тело на дорогу. Женщинам нельзя находиться на тезет, но Данги провожали в последний путь тысячи и тысячи — и женщин, и мужчин: эта смерть никого не оставила равнодушным.

Кто-то из стариков укоряет Хизира:

— Настоящий мужчина должен взять в руки оружие и пойти воевать с русскими — они убили и твою семью.

— Воевать можно вечно, — осторожно отвечают женщины, чтобы не обидеть Хизира: все знали, жена у него была русской, но ведь мертвых этим не воскресишь.

— Слухи по городу ходят — один страшнее другого...

— И без слухов страшно, сами видим, что творится. Куда ни пойдешь — трупы. Некоторые

раздавленные, как лепешки, порой бывает даже трудно определить, кто это — мужчина или женщина.

— Тысячи русских солдат круглосуточно долбят и долбят нас без перерыва, давят наших братьев, сестер и других родных на танках на всех дорогах Чечни. Ну как вам это, нравится?

— Существуют законы предков.

— Интересно: а сейчас по каким законам нас убивают, в чем мы виноваты?

— Наши предки всегда знали, к чему приведет имперское зло, поэтому и боролись против него.

— Да, все это похоже на заколдованный круг. И когда живешь в несправедливости и не имеешь возможности это как-то изменить, потихоньку начинаешь привыкать.

— Но из двух зол, как известно, выбирают меньшее...

— Например — подвал.

— Да, как крысы подвальные прячемся!

— Если сегодня у людей, которые готовы отдать жизнь за идею, за борьбу против России ровным счетом ничего не получается, то очевидно, что простыми разговорами точно ничего не изменить.

— Будь так добра, поделись своими идеями, что нам сделать и как нам быть, чтобы стать тебе симпатичными. От того, что ты говоришь какие тут

все плохие, коварные и грязные, у тех, о ком ты говоришь, даже нерв глаза не дергается.

— А оно мне надо, чтобы у них нерв глаза дергался? Мой протест — говорить, это все, что в моих силах.

— Если тебе не очень затруднительно, скажи, пожалуйста, что нам делать, как нам быть, какие будут предложения. Как сейчас есть — мы знаем, не слепые. А вот как нам быть и что делать, мы, видимо, не знаем, потому что тихо-молча заниматься своими делами и пытаться устроить свою жизнь и жизнь своих детей буквально в этом подвале называется в некоторых кругах «страх за свою шкуру», «предательство» и все такое прочее. То есть мы в принципе живем так же, как и все, только в отличие от «всех», находясь в непосредственной близости от очага возгорания, мы больше подвержены риску быть обожженными.

— А как же джихад?...

— Этот джихад ваххабиты перевернули с ног на голову. Джихад в первую очередь — борьба со своими внутренними пороками...

Все соглашаются только в одном:

— Скорей бы все это закончилось... — Непонятно, к чему относятся эти слова, то ли к войне, то ли к бомбежке. Наверное, все-таки к бомбежке, потому как война, кажется, не закончится никогда.

Хизир молчит — его сердце разрывается от горя и тоски, и он не знает, что делать. Вся его жизнь прошла на Севере, куда по молодости уехали его родители на сезонную работу, да так и остались там навсегда. Сюда, на родину, которую даже толком и не знает, он со своей семьей вернулся всего лишь с год назад, привлеченный настойчивыми призывами своих дальних родственников. Где сейчас эти родственники? Как быстро все произошло: кто-то погиб, остальные раскололись на два враждующих лагеря, и каждый норовит перетянуть его на свою сторону; даже мертвые, похоже, всю стараются.

Провел ладонью по щетине на щеках, как бы вытирая их, встряхнул головой, отгоняя томление. Вспомнились счастливые школьные годы: скучные изложения по «Войне и миру», наводящие тоску и скуку сочинения на тему о дружбе народов, проклятые алгебра с геометрией. Вспомнилось, как всем классом сбегали с уроков в кино, и мысли: скорей бы закончить эту школу, скорей бы стать взрослым и независимым, скорей бы... Как давно было это счастье, и воспоминания эти больше похожи на неправду, на сон, будто и вовсе всего этого не было!

Хизир прислушался к бормотанию полоумного старика, сидящего с отрешенным видом на молитвенном коврике напротив него:

— ...Только Ты Всемилоостив и Милосерден, только Ты в судный день единственный Властелин. — Морщинистые руки старика привычно перебирают четки, тело слегка покачивается, в такт словам двигается седая борода. — Лишь пред Тобой мы колени преклоняем, только к Тебе о помощи и сострадании молим. Направь нас прямой стезею, которую Ты избрал для тех, кто милостью Твоею одарен, но не для тех, на ком Твой гнев и кто в неверии блуждает...

— Люди говорят, этот старик — хафиз, то есть человек, знающий весь Коран наизусть.

Все уже давно покинули подвал; бомбежка прекратилась, а Хизир все не может оторвать своих глаз от старика. Горящий огарок свечи и умалишенный старик — вот где реальность; все остальное — просто кошмарный сон. Конечно, кто же еще может быть более сострадательным в этом мире, более милосердным, чем Бог? Весь мир сошел с ума, все отвернулись от Него, вот за что Аллах наказывает людей. Пророк предупреждал об этом: люди сами во всем виноваты.

— ...Кто страшится гнева Бога и в незримое уверил, — продолжает старик, уже закрыв в молитвенном экстазе глаза, — молитву совершает по часам и щедро раздает из своей доли, кто в откровение уверил, и в то, что до тебя ниспослано

другим, и кто душою всей уверил в жизнь вечную. Только они идут прямой стезею Бога, лишь они восторжествуют. Но для неверных все равно, увещевал ты их или нет — в Аллаха они не уверуют никогда. Каждому Тобой дано право самому решать, как жить в этом мире...

Удивительно, почему все ушли, почему никто с трепетом и содроганием в сердце не остался послушать эти мудрые слова старика; или этого старика никто не слышит, как и не слышит Бога?...

— Ты меня слышишь, Хизир?! — Мужчина вздрогнул: старик немигающе смотрел ему прямо в глаза, прямо в душу. — Ты меня слышишь?

— Слышу, деда,¹ — ответил Хизир, — я тебя хорошо слышу.

— Твоя семья жива.

— Я знаю, деда, жена и дочери на небесах...

* * *

Роман Григорьевич Дилань родился и вырос в Якутии, украинец, хотя и ничего классически хохляцкого в нем, собственно, и не имеется. Всегда коротко стриженный, голубоглазый блондин, ростом чуть выше среднего, но благодаря

---

¹ Деда — дедушка по отцу (чеч.).

худобе выглядит долговязым; прекрасный охотник, знает всю тайгу и места, где водится дичь. Болезненно щедрый и честный, с наивностью малого ребенка полагает, что и все окружающие такие же, благодаря чему его бывает очень легко обмануть. Но вот лицо его подвело — ну никак не похоже на лицо доброго человека. Кривой уродливый шрам, проходящий от левого уха по всей щеке до края губы, полученный при задержании на службе, вероятно, и придает его физиономии выражение какого-то циника и садиста. Девушек никогда не охмуряет, они сами им охмуряются. Образован, прекрасный семьянин, имеет сына, отличный спортсмен, в связях, порочащих его... беспощаден... С этого момента поподробней, пожалуйста.

Одно время лейтенант Дилань состоял на службе в уголовном розыске. Начальником у него был некто Джават Исмаилов, бывший участковый, дорос до старшего инспектора УР по особо важным делам — «важняк». Так получилось, что Джават с Ромой учились в одной школе и служили срочную службу в одной роте, где крепко и сдружились. После службы в армии вместе решили идти на работу в органы милиции.

Джават — парень шустрый, опыта в работе не занимать, к любому делу подходил с творческой искоркой, постоянно находил какие-то новые

необычные решения для разрешения залежалых, «глухих» проблем, которых в работе УР обычно бывает предостаточно. Службу начал простым патрульным милиционером еще в конце восьмидесятых. Отличался гостеприимством, какой-то особой кавказской «правильностью», был общительным свойским парнем, не пил, не курил, но при этом был крайне вспыльчив. Свою горячность ему удавалось сдерживать с великим трудом, однако это было заметно только близким друзьям. Но люди, которые не знали Джавата, при первом знакомстве даже и догадаться не могли, что перед ними — сотрудник милиции: такой простой, всегда улыбчивый и предупредительный человек, легок на разговор и беседы на любые темы. Вероятно, эти качества и сказались на том, что Исмаилов быстро рос по служебной лестнице. Но, несмотря на то что он был начальником, никогда не ставил себя выше своих друзей, и за это его уважали.

Джават часто сетовал на безнравственность и распущенность молодежи, на безыдейность и бездуховность подрастающего поколения. В годы перестройки стал активистом в своем землячестве, где всей душой и принял ислам, стал скрупулезно и с великим усердием изучать Коран. Даже одно время тесно сотрудничал с турецкой общеобразовательной организацией «Нурджулар»,

имевшей филиал в Якутске. Забегая вперед, отмечу: эта организация, «Нурджулар», уже после отъезда Джавата на родину была запрещена самими турецкими властями, так как было установлено, что ее целью являлось превращение Турции в исламское теократическое государство, и были выявлены тесные контакты «Нурджулар» с турецкими организациями, оказывающими помощь бандформированиям в Чечне.

Кабинет сыщиков находился в подвальном помещении старого здания ГОВД; рядом соседствовало невзрачное помещение, в котором уборщицы обычно хранят свой нехитрый рабочий инструмент.

И вот в суете забот стал Джават замечать странности в поведении своего подчиненного. Тот начал собирать где попало обрывки старых цепей, разных размеров металлические крюки, ржавые щипцы, щипчики, пассатижи, шило, раритетные старинные нерабочие кандалы, наручники; даже у какого-то казака выменял на литру самую настоящую нагайку.

Рома помалкивает и многозначительно поглядывает на друга. Джават же, потомственный кавказский интеллигент, прикрыв глаза густой черной бровью, делает вид, что этой странной коллекции под столом у Ромы не замечает. Неудобно как-то спрашивать, мало ли какой

ориентации человек стал в такое беспокойное время, всякое бывает; главное — что работает.

Но однажды, когда в кабинете откуда-то появилась вонючая лошадиная уздечка с подпругой, многозначительный Ромин взгляд окончательно вывел Джавата из себя.

— Меня, конечно, абсолютно не трогают твой внутренний мир и убеждения, — переборю себя, сказал Исмаилов, — но убедительно тебя прошу, Рома, дорогой, убери ты свои прибамбасы куда подальше, не позорь нас, пожалуйста, люди же ходят... — Сделав небольшую паузу, в которую при желании можно было бы вставить непозволительный для дагестанца небольшой матерок, закончил: — То-се...

— Нет проблем, Джават, — отвечает Роман, — ща сделаем! — И, приоткрыв дверь, кричит уборщице: — Тетя Маша, можно у вас в кабинете вещдоки оставить?... Ага, само собой, таки на время...

Воодушевленный утвердительным ответом, шустро задвигался:

— Учись, Джават, как с людьми разговаривать надо, — и, цитируя самого себя: «В кабинет, тетя Маша, на время...», приступил к переносу своего барахла в «кабинет» уборщицы. Самым последним тащит в подсобное помещение старенькую, вероятно еще довоенной поры табуретку,

предварительно сняв с нее горшок с давно высохшим цветком, — ну, где на время, там и «само собой».

По истечении пары недель — времени вполне достаточного для того, чтобы забыть про инцидент, — Рома со своим другом Владиславом Сылларовым, проявив верх сыскного мастерства и рискуя как минимум своим здоровьем, задержал особо опасного рецидивиста, подозреваемого в ряде жестоких убийств, хотя никаких весомых подтверждений его вины при этом не имелось. Имеют место быть только незначительные косвенные доказательства и совершенно неуместные, не принимаемые слепой Фемидой в расчет нематериальные интуиция и догадки. Все сроки изоляции от общества на время дознания вышли, утром человека пора выпускать. Впереди ночь. Опера коллективно чешут репу: что за ночь можно сделать? Если выйдет на свободу, которая уже с утра ему по закону маячит, потом ищи ветра в поле?

— Щас я его расколю. — Рома для солидности взял со стола пару листочков бумаги и авторучку. — Вы его в «кабинет» к тете Маше заведите, а там я сам. — И, бросив на ходу: — Главное — психическая атака! — вышел.

— Давай, Рома, прояви себя! — проговорил вслед Джават. — Родина тобой любуется, зеленой

тебе дороги!

А что еще делать прикажете? Хоть какая-то надежда.

Из ИВС привели бандюгу, тщедушного такого мужичка, завели в тесное подсобное помещение уборщицы.

Мужик заходит и видит такую картинку: на потолке тусклая лампочка в решетке, два грязных ведра с мрачной шваброй у стенки, табуретка, на которую человек с лицом профессионального садиста, даже не взглянув на вошедшего, вежливо предлагает присесть. У хозяина заведения рукава рубашки закатаны по локоть и своими жилистыми ручищами он деловито раскладывает и перебирает на небольшом столике множество различных «пыточных» приспособлений — крюки, тиски, щипцы, пассатижи, шило. Кроме того, на стене слева, с перекладины, свисают мрачные цепи и нечто непонятное, брезентово-кожаное — вероятно, это то, чем можно зафиксировать живого человека буквой «зю». Наготове и бывшая в частом употреблении кожаная плеть, находящаяся явно в рабочем состоянии.

Конвой вместе с подозреваемым слаженно изображают на лицах изумление. Первым, конечно же, приходит в себя бандюга:

— Понял, все скажу...

Классический «момент истины»! «Садист»

искусно проявляет недовольство по поводу ускользнувшего из рук удовольствия, впечатлительного мужика сразу уводят, от греха подальше.

«Сказал» бандит в ту ночь про все и, к великому удивлению оперов, про «всех». Работал-то он, оказывается, не один! Группа подонков убивала людей даже за то, что те оказывались случайными свидетелями. Было раскрыто великое множество «висяков».²

Через месяц «комнате психологической разгрузки» пришел конец. Начальник ОВД каким-то образом разузнал про это заведение, дал всем операм определение «звери» и заставил освободить техническое помещение от лишнего хлама. Заваленный по уши общественный работой Костя Топорков все-таки нашел немного свободного времени и по случаю поимки отважными оперативниками особого опасного бандита сочинил небольшой стишок для отделовской стенгазеты «На боевом посту», в которой были такие проникновенные строки, сложенные по принципу «важно не качество, главное — вовремя»:

---

² Висяк — нераскрытое уголовное дело, имеющее перспективу продолжительное время пребывать в архиве.

Ты жди меня, жена
родная,
Не знаю, скоро ль я
вернусь,
Вернусь с опасного
заданья
(Опасностей я не
боюсь).
Я обниму тебя,
родная,
Скажу: «Вот я и
пришел!
Служба наша такая:
Дни и ночи
напролет...

Вероятно, за эти «проникновенные» строки Топорков и получил благодарность от начальства. А опера — выговор. Вот с тех самых пор Топорков и стал избегать встреч со злыми на него оперативниками.

Для тех читателей, которые не поняли, о чем здесь речь, поясню: никакого физического воздействия в отделе никогда не применялось, Рома всего лишь изъевлял желание похвастаться своей непонятной коллекцией перед людьми. Топорков же «поговорил» на эту тему с начальником,

обсудил, и шеф сделал соответствующие оргвыводы.

Конечно, бывали перегибы в работе оперов, не без этого. Особенно выделялся сам «важняк» Джават Исмаилов. Хорошим парнем был, простым. К примеру, вызовет он к себе на допрос какого-нибудь крутого чувачка, у которого кругом все и вся куплено, а тот является в отдел исключительно с высокооплачиваемым модным адвокатом, час работы которого стоит большущую сумму. Чувачок довольный, хамливый, и речь, конечно же, соответственная: чего, мол, вызвал, про погоду поговорить? Ну, дык, давай, поговорим! Джават, несмотря на то что кровь внутри закипает, не отказывается и с радостью предложение принимает. Беседуют о погоде, о видах на будущий урожай апельсинов в Марокко, о политической обстановке в Боливии...

Проходит час, другой, оба увлекаются живой беседой, адвокат при этом присутствует, но скучает. Джават с присущим ему кавказским гостеприимством одомашнивает ситуацию: начинает предлагать чаек, печенюшки. Часа через четыре Исмаилов, сетуя, мол, извини, брат, пора мне — служба, трогательно с чувачком прощается. Расстаются они чуть ли не друзьями.

Через пару дней вновь вызывает. Все повторяется: радушная встреча, чай-кофе,

печенюшки, скучающий адвокат. И через несколько таких подходов чувачок начинает нервничать: адвокату же платить нужно, тариф-то почасовой. Если еще не все на него просадил, то уж скоро точно все деньги на этого хренова адвоката и уйдут. И вот так, раз от разу, Джават потихоньку и начинает получать от «замученного» чувачка информацию.

Примерно так же происходят разговоры и с задержанными авторитетами, которые на время следствия находятся в изоляции от общества: чай-конфеты-пряники, радушные разговоры, чай-конфеты, радушные разговоры... чай, радушные разговоры. Авторитет не резиновый и после обильного чаепития, эдак со своей улыбочкой, намекает Джавату: мол, и в туалет неплохо было бы сходить. Кавказец на намеки совершенно не реагирует и, как радушный хозяин, тоже с приятной улыбочкой, предлагает еще по чашечке. До авторитета наконец доходит, что его каким-то образом попросту дурят, и начинает нервничать: мол, а ну как я сейчас вот здесь, прямо у тебя в кабинете? Коварный Джават и отвечает: а ну как я твоим сокамерникам расскажу, как ты у меня обоссался? И ведь ни слова не совру!.. Какой же ты, мол, после этого авторитет? Тот, чтобы не потерять своего авторитета, начинает идти на плодотворный продуктивный контакт и, облегчив

душу, спокойно, в сопровождении конвоя, облегчается и сам. Либо наоборот — без разницы. Правда, авторитет при этом тоже называет Джавата зверюгой, никак не иначе... Возможно, он в чем-то и прав? В трудные девяностые годы, никому ничего не объясняя, Джават уволился из системы МВД и без особого шума неожиданно уехал на свою родину, в Дагестан. Поговаривали, помогать своим, находящимся в преклонном возрасте старикам.

* * *

...Бомбежки Грозного прекратились: должно же все когда-то закончиться. После ожесточенных уличных боев начались зачистки домов силами федеральных войск.

Хизир просто лежал на своей кровати и безучастно смотрел в покрытый трещинами потолок, когда к нему в дом ворвалась группа русских солдат под командованием молодого офицера, на черных нарукавных шевронах которых изображена вздыбленная белая лошадь.³

Уже почти закончилась проверка дома и документов хозяина, как к командиру группы

---

³ Вздыбленная белая лошадь — нарукавный знак Северо-Кавказского округа ВВ МВД РФ.

подскочил сержант:

— Товарищ старший лейтенант, схрон нашли!

Командир, отдав приказ мрачным солдатам охранять «бандита», спустился в подвал с целью лично убедиться в наличии оборудованного бандитского схрона. Как только офицер вышел, кто-то из солдат, стоящих за спиной, ударом ноги в подколенный сгиб повалил Хизира на колени, и воины стали жестоко его избивать. Били ногами, прикладами, могли бы просто убить на месте, но мешала команда «охранять» — это Хизир понял, разобрав среди поднявшегося шума какие-то слова. Свернувшись калачиком и расслабившись, чтобы сохранить ребра, обхватив голову руками, Хизир не кричал, стонал:

— ...Не надо... здесь нет бандитов... не надо...

Избиение продолжалось минуты полторы-две, но этого оказалось достаточно: кажется, ребро сломали.

— Отставить! — В комнату вошел командир. — Поднимите его!

Двое, подхватив избитого под руки («С-сука»), резким рывком поставили на ноги; сжав кулаки и трясаясь не от страха — от ущемленной гордости, Хизир стоял перед ним молча, глядя прямо в глаза и не отводя взгляда от тоже вперившихся в него глаз офицера.

— Объясни! — коротко распорядился старлей.

— От бомбежек в подвале хоронились с соседями... — Когда Хизир начал говорить, языком обнаружил во рту сломанный зуб; выплюнул его со сгустком солоноватой крови: — А куда еще прикажешь деваться, когда нас бомбите? Вы всю мою семью убили, убейте и меня: я вас не боюсь.

— Ты чеченец?

— Да! И за это убейте!

— А я русский... и фамилия у меня Иванов... — задумчиво произнес молодой командир. — А ты чисто по-русски говоришь, без акцента, — не то спросил, не то сделал умозаключение старший лейтенант.

— Да...

— Семенов! — Офицер отвел глаза в сторону, не от того, что не выдержал взгляд; просто этот чеченский парень стал ему уже неинтересен: судя по всему, подвал не похож на бандитский схрон. — Командуй всем на выход!..

Когда из помещения вышел последний, Хизир, присев на свою кровать, тихо произнес:

— Извините, гости, угостить нечем было. — И мысленно добавил: «В следующий раз угощу обязательно».

Вполне возможно, что офицер в данной ситуации, сам того не подозревая, показал свою

порядочность; тем не менее эта встреча подтолкнула Хизира на принятие решения. Все-таки он сделал свой выбор в этой жизни: задача была для него ясна — яснее некуда...

* * *

Иванов недолго пробыл в звании старшего лейтенанта. Через пару месяцев после событий в доме Хизира, в войсковую часть, где он служил, приехал с проверкой генерал — некто Фаршев или Капустин. Никак фамилию не могу вспомнить, но точно не лошадиная.

И вот командиры построили подразделения части для проведения строевого смотра. Для начала генерал решил блеснуть знанием устава:

— Строевой смотр проводится в целях определения степени одиночной строевой выучки и строевого слаживания подразделений. На строевом смотре также проверяется внешний вид военнослужащих, наличие и состояние снаряжения, вооружения, боевой и другой техники. При инспектировании на строевом смотре, кроме того, производится опрос военнослужащих в порядке, изложенном в уставе...

В этот момент через КПП из очередного боевого выхода прошел взвод Иванова. Дежурившие на КПП солдаты, конечно же,

сообщили об этом своему офицеру. Нужно было бы взводу схорониться где-нибудь на задворках и постараться не показываться на глаза генералу во время смотра. Но хорошая мысль, как говорится...

— ...В уставе внутренней службы. Опрос военнослужащих может также производиться при... — Генерал обернулся к своей свите: мол, как это я выдал, без единой запинки, заметьте!

Свита изобразила восхищение глубокими познаниями. И вот тут-то генерал и заметил шагающий мимо построенных начищенных шеренг взвод старшего лейтенанта Иванова. Притормаживает, подзывает к себе взводного, начинает спрашивать:

— Та-ак, товарищ старший лейтенант, в чем дело, почему в таком непотребном виде? — Вновь обернувшись к своей свите, сокрушенно покачал головой: — Вот, полюбуйте, каков командир, таковы и подчиненные!

Свита в ответ слаженно закивала:

— Безобразие!

А вид у взвода, справедливости ради надо признать, и в самом деле отнюдь не парадный: одежда пропыленная, грязная, обувь нечищенная, на лицах суточная щетина, глаза злые.

— Стыд и срам!..

— ...Позор!

— А не пошел бы ты в... генерал! — ответил

старлей, этим поставив в беседе точку. Развернулся и зашагал дальше. Ну, перемкнуло у парня — и такое бывает.

На следующее утро Иванов стал лейтенантом и был переведен в тыловую часть на должность командира взвода комендантской роты. Задача у вверенного подразделения — обеспечение нормальной жизнедеятельности части, содержание в исправном состоянии коммунального хозяйства: водоснабжение, канализация, отопление и все прочее. Знающие люди подтвердят: работа беспокойная, не из легких. Это подразделение можно сравнить с любой гражданской жилищно-коммунальной конторой, на которую обычно при известных случаях все кому не лень валят все шишки и навешивают собак. Но при отсутствии таких подразделений все превратится в клоаку, наступит хаос местного значения. Работа трудная, неблагодарная, но нужная; но результат добросовестной работы этих подразделений при этом обычно никто не замечает либо не желает замечать.

Случилось так, что в расположении части перекрыло трубу фекальной емкости, и эту самую трубу необходимо срочно прочистить. Безжалостное начальство послало на устранение аварии группу из трех солдат, а чтобы солдаты работали, а не создавали видимость, командовать

парадом доверили, как самому молодому и ответственному, лейтенанту Иванову. При этом опыта подобной работы ни у кого из участников этой ответственной операции не было. Ведающие люди, однако, посоветовали, что, кроме лопат, собственно, ничего и не нужно, разве что ОЗК на себя натянуть.

Солдаты, преодолевая брезгливость, спустились по железной лестнице в эту фекальную емкость и начали прочищать лопатами трубу в надежде обнаружить причину засора. Лейтенант, естественно, остался на свежем воздухе контролировать ситуацию. Поначалу снизу был слышен мат и специфические чавкающие звуки, издаваемые лопатами и сапогами, но через некоторое время все затихло...

Иванов даже не сразу обратил внимание на то, что наступила полная тишина. У заглянувшего в люк офицера от ужаса расширились глаза: в клоаке бездвижно лежали тела солдат! Когда речь идет о жизни и смерти, тут уж не до брезгливости. Быстро спустившись, лейтенант поднял ближайшего к нему и взгромоздил на спину. Стараясь удержать солдата и к тому же удержаться и самому, стал карабкаться по лестнице вверх. От нехватки кислорода начал задыхаться, на грани потери сознания перевалил тело через бортник люка. Как ныряльщик, быстро глотнул воздух и снова спустился за следующим.

Вытащив второго, потерял сознание.

Их обнаружили только через час, да и то случайно. Выжил сам Иванов и тот, первый солдат. В жаркую погоду в той среде, в фекальной емкости, скопился газ сероводород, это и стало причиной отравления — такой диагноз поставили военные доктора. А двоих умерших солдат списали на боевые потери — такой «диагноз» поставило руководство отдельной бригады. Всех четверых участников «боевой операции» наградили медалями. А как же не наградить? Если огласить правду — это же скандал и огромный минус бригаде! А боевые потери, например при проведении зачистки какого-нибудь городского квартала, — это немалый плюс.

А сколько небоевых потерь понесла армия в результате реформ? Не счесть — тысячи и тысячи офицеров, прапорщиков, мичманов, их семьи, дети бултыхаются и погибают сейчас в этой «емкости». Они все забыты, и никому до них дела нет. Как, собственно, нет дела и до пенсионеров, заслуженных ветеранов армии и других силовых структур. Создается впечатление, что делается все это целенаправленно, с единственной целью: ослабить былую мощь вооруженных сил, унижить честь и достоинство офицера, оболванить сотрудника. Это ж получается — не тех в сортире мочат? Вот такими невеселыми мыслями поделился

однажды лейтенант Иванов с автором этой книги.

Одноклассники

*Достойный человек
не бывает без друзей.*

**Чеченская
пословица**

Это было в конце июля, в самое пекло. Я привез оружие в госпиталь. Когда Сергея Охотника принимали в санчасть, начальство приказало его автомат с пистолетом забрать, ибо находиться раненому в медицинском заведении с автоматом не положено. Охраны и своей вполне достаточно. Причем на КПП и меня разоружили: на территории госпиталя посторонним с оружием находиться тоже нельзя. Так вот — Охотник излечен, выписан и готов к дальнейшим подвигам.

Сразу же на попутке прибыли в штаб мобильного отряда для оформления кое-каких нужных отряду документов и списания покорёженной при подрыве снайперской винтовки «Вал». Практика показала, что ездить или ходить по Грозному малыми командами в составе нескольких человек гораздо безопасней, чем передвигаться в составе колонны, даже с группой боевого охранения. Хоть это и регламентируется особыми

приказами, но малые отряды на них плевали с высокой колокольни — своя жизнь дороже.

Сергей Охотник по этому поводу выдал целую теорию: передвижение в колонне — это как лотерея: могут обстрелять, а могут и подорвать; можешь пострадать ты, а может и кто-то другой.

Не помню случая, чтобы кто-то по причине хождения по городу малой группой к нам придрался — некому: ведь начальство же никакими группами не ходит. И в каком районе города находился штаб, я тоже совершенно не помню: много лет уже прошло. Слева — руины полностью разрушенного гастронома, рядом с ними — автобусная остановка; справа, среди таких же руин, совершенно не гармонирующий с окружающей средой, какой-то крутой свежестроенный ресторан, причем не имеющий ни одной мало-мальски серьезной царапины на окрашенных в веселый желтый цвет стенах. Вглубь, по дороге, — сам мобильник.

Неподалеку от этого места, если не ошибаюсь, «Три дурака» — известная площадь в Грозном, на пересечении Победы и Маяковского. Такое неказистое народное название площадь Дружбы народов получила за то, что на ней стоит памятник трем революционерам: русскому, чеченцу и ингушу. Памятник символизировал братскую дружбу трех народов. У всех трех каменных фигур

мирные и добродушные чеченцы во время своей «революции» зачем-то оторвали головы, и они валялись рядом с блоком КПП-14, где нес службу таганрогский ОМОН.

Сейчас же на пьедестале стояло шесть каменных ног. В 1996–1999 годах на этом месте был самый большой и довольно оживленный рабский рынок и приводились в исполнение расстрелы по приговорам шариатского суда; довольно часто их транслировали по телевидению — цензурой не запрещалось. Вот так: казнили или продавали — своих и чужих, взрослых и оставшихся без родителей беззащитных детей. Дети, как правило, приобретались для плотских утех.

Вскоре после нашего отъезда здесь подорвался на mine боец таганрогского ОМОНа. Выжил. Но остался без ног.

При въезде в мобильный отряд, на возвышении, стояла зенитная установка с колоритным, неопределяемым войском в обслуге. Ствол орудия смотрел в направлении подъезжающих к воротам автомашин.

Почему войско неопределяемое? Опытный глаз, конечно, установит, что это милиционеры, но, к примеру, человек, впервые увидевший этих парней, скажет, что это какие-то раздолбаи — анархисты-революционеры времен гражданской

войны, по ошибке забредшие в наше время. Одеты они как-то по-особому разно и расхлыстанно: тельники, разгрузки, банданы, береты, пулеметные ленты. И причем все как один с улыбками на лицах.

Конечно, не нужно предполагать, что у них постоянно эти улыбки на лицах приклеены. В данном случае срабатывает эффект фотоаппарата. Зной, жара, пыль, усталость. Кто такие? Такие-то. Пара шуточек. Щелк! Кадр зафиксирован, пошли дальше.

Правда, и мы от этих парней мало чем отличались.

На территории мобильного отряда меня поразила уже порядком подзабытая идеальная чистота. Аккуратные ряды жилых домиков-вагончиков с чистенькими кроватями и постелями; у дверей, на ковриках, чистая сменная обувь; покрашенные синей краской штабные корпуса; хаотичное мельтешение также прибывших по бюрократическим делам представителей всевозможных, если можно так выразиться, родов войск МВД — всяких спецназов и особназов. Много зелени. Нет, не покрашенная зеленой краской растительность, а натуральная, ухоженная.

У меня на боку болталась сломанная винтовка «Вал» без глушителя. Всех спецов она почему-то очень привлекала, многие просили ее подержать в руках и рассмотреть повнимательней. Без приклада,

без глушителя, без оптики и с дырчатым стволом, она представляла собой довольно интересное малогабаритное «короткоствольное оружие». «Валов» в отрядах в то время было очень мало, и мало кто имел дело с таким оружием. Все многозначительно цокали языками и восхищались «новейшей милитаристской разработкой».

Раздобыв без каких-либо бюрократических проволочек необходимые нашему отряду бумаги, документы, акты списания и проставив на них печати, мы двинулись обратно. Пешком. Идти нам предстояло долго и далеко. В поле зрения попадались молодые чеченские милиционеры в новенькой, чуть ли не парадной форме, какие-то небритые личности кавказской принадлежности, одетые в камуфляж и с автоматами через плечо. Парни в белых рубашках навывпуск, под которыми отчетливо проступают контуры пистолетных кобур. Говорят, если этих людей проверить, они непременно предъявят удостоверение какого-либо серьезного ведомства.

Рядом с нами притормозила черная «Волга».

— Куда направляетесь ребята, подвезти? — Местные тоже безошибочно определяют «наших-ваших». — Сами знаете, по Грозному байки⁴ ходят.

---

⁴ Байки — боевики (*жарг.*).

— На «Северный».

— Садитесь! — В машине молодой водитель и улыбочивый мужчина в возрасте. Оба чеченца в белоснежных рубашках. — Подвезем вас поближе, я зам прокурора Грозного такой-то.

Представились и мы:

— Антон.

— Охотник.

Сев в машину, я сразу же задал вопрос:

— Что-то милиционеры на дорогах все какие-то «новенькие»?

Он меня прекрасно понял.

— Да форму новую недавно получили. — Немного подумав, добавил: — Днем они милиционеры, ночью — бандиты... ну, не все, конечно... Анекдот рассказать, ребята?

— Можно.

— Беседуют Лебедь и Куликов. Куликов заявляет: чеченцев — давить! Все эти чеченцы и прочие урюки — это же все сплошные бандиты! Лебедь ему отвечает: господин Куликов, урюк — это же сушеный абрикос! Куликов: знаем мы этих абрикосов, днем он мирный абрикос, а ночью — вооруженный урюк!

Посмеялись. Надо признать, анекдот довольно старый, но если бы мы им его рассказали,

---

неизвестно, как дальше обернулось бы дело. Вероятно, этим анекдотом мужчина хотел нам показать: смотрите, мы смеемся над самими собой, мы такие же, как и вы, мы — свои и у нас общий враг. Нас не надо бояться.

Между делом узнали от них новость: на окраине города подорвана автомашина с чеченскими омовцами, погибли двадцать три человека — происшествие серьезное. Туда работник прокуратуры и направлялся. Основная опергруппа уже находилась на месте — все-таки какое-то подобие власти имело место быть. Далее перебрались фразами: «Откуда? Куда? Как там у вас погода?» — и мы уже преодолели солидное расстояние. Несмотря на разбитые дороги, медленно ездить нельзя: опасно, могут обстрелять, а в быстро движущуюся машину попасть труднее.

— Ну, все, ребята, нам прямо, вам налево, мимо центрального рынка, потом...

— Спасибо большое, знаем!

Надеюсь, что этот человек до сих пор жив. Хотя кто знает, столько сообщений было о покушениях на представителей госорганов...

На перекрестке находится вагончик-кафешка, у входа манит ароматным дымком мангал. Неподалеку от него стоит кузов густо изрешеченного пулями «уазика» без колес, с надписью на борту не то углем, не то толстым

грифелем: «Танк сушеный. Просто добавь воды!»

Сергей предложил:

— Ну что, по шашлычку?

— Давай! Не вижу причины отказаться от обеда.

Расположились у столика возле входа в вагончик, сели друг напротив друга, чтобы была возможность наблюдать за окружающей обстановкой, автоматы на колени положили. В пределах видимости ни одного прохожего не видно. Только сейчас начинаешь понимать, как нам повезло: ведь на развалах могли быть снайперы. Какими же разгильдяями мы в то время были!

Сергей почему-то начал вспоминать свои проблемы, которые остались где-то далеко-далеко:

— ...Всю сантехнику менять надо! Жена пилит-пилит, а я что сделаю? Мать тоже ругается, говорит, лучше бы работягой каким-нибудь был. Постоянно что-то по хозяйству делаю!..

Но я его не слушаю.

Чудно все это выглядит: полнейшая разруха — и симпатичная кафешка, с любовью оборудованная из простенького вагончика. Вклейте в черно-белую фотографию разрушенного Сталинграда цветную вырезку современного ресторанчика — и посмотрите, что получится.

— ...Перед отъездом в туалете полочки классные сделал, отполировал, лаком покрыл... Все

равно недовольны. Что им там — картины с натюрмортами повесить, что ли...

А хозяйка все хлопочет: то угольки пошурует в мангале, то шампуры повертит: угодить клиентам старается.

— А чем эта работа хуже, а, Антох? Работаю себе по-человечьи, семью содержу в исправности...

Хозяйка заведения принесла чай, конфеты. Серега все стонет:

— Бандита раненого в санчасть положили, тоже лечат...

— Что?

— Бандит, говорю, с нами лежал. Ты что, Антох, меня не слушаешь?

— Что за бандит?

— Обыкновенный, бородатый.

— Как это?

— А вот так: определили в госпиталь, и все; лежит себе в палате, простреленный насквозь, и лечится.

— Ну нихренассе!

— Прикол там был, рассказать?

Я ж тебе рот не затыкаю, Серега, слушаю внимательно.

— Оно и видно...

В госпиталь определили чеченца, натурального ваххабита. Страшный такой, косматый, на щеке родинка размером с кулак,

которую даже борода не прикрывает. Привезли его туда какие-то серьезные люди, тоже чеченцы, в общевойсковой форме — вроде бы союзники, но без единого намека на принадлежность к роду войск и званий — и поместили больного в соседнюю четырехместную палату, даже охранника к нему приставили. Вероятно, очень важной персоной этот человек был.

Так никто и не понял, почему этот раненый, явно махровый бандюган, лежит на излечении в военном госпитале среди славных российских воинов. Конечно, слухи поползли: мол, за все уплачено идрит, Рассея-мать продана итит. Говорили также, что пуля у него рядом с сердцем прошла, но держится молодцом. Просвета в этом темном деле не было: парень ни с кем не общался. Охранник в коридоре каждые сутки новый был. Тоже помалкивали.

Однажды ночью Сергей проснулся от сильного внутреннего давления. Давил мочевой пузырь. Посмотрел на часы — скоро должна подойти медсестра с милыми веснушками на лице для втыкания укола. Стал размышлять: дождаться сестру, а затем идти в туалет или сперва в туалет, а потом дождаться сестру и попробовать ее внаглую «уговорить».

Ничего не хочется делать: ни вставать, ни дожидаться. Охота только быстро «уговорить» и

затем спать. Но ведь не вмоготу! Хочется и того, и другого, и все вместе! Ночные желания кого хочешь с панталыку собьют. Чуть ли не с закрытыми глазами Серега все-таки для начала почапал в туалет. Краем глаза заметил: серьезный охранник спал на стуле у окна, желанной медсестры не видно.

Туалет — это единственное место, где можно уединиться и прийти в себя; здесь можно расслабиться, даже релаксировать и, набравшись сил и позитивной энергии, вновь выйти в мир общественных взаимоотношений и сумятицы.

Посещения туалета весьма полезно совмещать с чтением газет, журналов, рекламных буклетов. Здесь можно разгадывать кроссворды, рассматривать цветные картинки с изображением различных экзотических животных, брюнеток и блондинок; быть в курсе всех мировых событий, перечитывая новости месячной давности; либо, позабыв обо всем на свете, можно окунуться в мир грез: томик Некрасова, несмотря на местами вырванные страницы, вне всяких сомнений — отменный антидепрессант. Можно просто помечтать — например о миленькой медсестре с веснушками.

Встреча с прекрасным — вот что это такое! Человек, выходящий из этого заведения, преображается: походка становится легче,

пружинистой, уже нет той суетливости, торопливости; глаза излучают мудрость и какое-то скрытое, спрятанное глубоко в себе тайное знание.

Но так как была глубокая ночь, сил у Сереги хватило только на то, чтобы прочесть на стене: «Ну, чего уставился?! Сцы давай!»

Облегченный, неторопливой походкой, но с сонными глазами, Серега пришаркал в палату и направился к своей кровати у стены. Его кровать была занята: лицом к стене лежал неизвестный. Бывает такое: кто-то сквозь дрему тоже прочитал надпись на стене в туалете, после чего по ошибке влез в чужую постель в чужой палате — ничего удивительного: практически все палаты одинаковы.

Серега, хоть и мечтатель, но не настолько наивен; он, конечно же, был стопроцентно уверен, что это не медсестра, и поэтому не стал мастыриться сбоку, а осторожно, по-дружески, потряс лежащего за плечо. Бородатый ваххабит, не открывая глаз, откинул одеяло, смущенно улыбнулся, спустил трусы и перевернулся на живот. У Сереги отвисла челюсть.

— Да вы че это?! Оху... опупели?! — С соседней койки, облокотившись на локоть, на них с восторгом смотрел раненый солдат.

Только тут Серега и понял, что это он ошибся палатой! Сон улетучился у всех находящихся в комнате. Серега с расширенными от ужаса глазами

пулей вылетел из помещения и тут же наткнулся на страшенькую конопатую медсестру со своими блестящими кастрюльками в руках.

— Ты где шарахаешься, херувимчик?

— В туалет ходил.

— Оно и видно! Опять выпиваете?!

От шума проснулся личный охранник ваххабита, оценил ситуацию, что-то взвесил про себя, сунул руку в карман и направился в шумную палату к своему «подопечному». Серега, пропуская его, посторонился:

— Да какой на хрен «выпиваете»? — Желание «уговорить» полностью улетучилось. — Оно мне надо?! Сцать ходил...

— Оно и видно: шары залил, думает, не вижу ничего!

— И вообще, не домогайся до меня, — отмахнулся от назойливой медички Сергей, — спать хочу! Вот ведь пристала...

Утром общество начало «кушать» Серегу, смеху было через край. Чеченца, правда, тактично не трогали, но и ему было неудобно. Тем не менее он тоже прекрасно понимал создавшуюся «шутку юмора»: в любой больнице ночью, когда медсестра обходит с уколами, все, не просыпаясь, снимают трусы и переворачиваются.

Сергей продолжил свой рассказ:

— А потом, значит...

Но тут подъехал автобус...

Подъехал простреленный поверху автобус «КАВЗ» с чуваками. Ох уж эти «КАВЗ»! Всякие автобусы покореженные видел, но как только «КАВЗ», так обязательно простреленный, и именно поверху. А чуваки — это сводный отряд из Чувашии. К нашему удивлению, с ними оказалось и несколько человек из якутского СОМа, и... радости моей не было предела: среди земляков оказался мой одноклассник Валерка Васильев, один из лучших моих друзей! Да-а, и покуролесили же мы с ним одно время... Лет десять с ним не встречались: женившись, он с семьей уехал в район, и с тех пор я его не видел. Как выяснилось, земляки направлялись туда же, откуда возвращались мы — в мобилу, и, увидев нас, конечно же, остановились.

Завязались оживленные разговоры. К радости хозяйки («Да вас тут у меня никто не тронет!»), посыпались заказы на шашлык, пиво. Со стороны центрального рынка, как бы между прочим, донеслись отзвуки гранатных разрывов и яростного скоротечного боя. Мы с омовцем тут же сделали умозаключение, что нам крайне повезло с этой кафешкой: задержала она нас как раз на то время, достаточное для того, чтобы не попасть под обстрел в районе рынка. Привыкшие ко всему чуваши не обратили на этот шум абсолютно никакого внимания.

Наевшись и вдоволь наговорившись, чувашский отряд с земляками загрузился и уехал по своим делам; мы же двинулись в сторону авиапорта. К слову сказать, того одноклассника я так до сегодняшнего дня и не видел. Знаю только, что у него все хорошо: работает, дети растут. Мать его рядом с нами живет, рассказывает про него иной раз.

Владислав Сылларов тоже частенько рассказывал про своего однокашника: после окончания школы вместе поступили в университет, жили в общеаге, в одной комнате. Друг был чеченцем, коренным якутянином, но после смерти родителей уехал на родину. Хизир был парень простой, как и все: особо ничем не выделялся, разве что был кандидатом в мастера спорта по классической борьбе и имел на щеке родинку размером с пятак. Девушкам эта родинка никаким боком не мешала, даже нравилась.

Как и положено, в студенческом общежитии существовала строгая межкурсовая иерархия, то есть старшекурсники частенько «прижимали» младших. Однажды под новогодний праздник Влад, второкурсник, что-то не поделил с третьекурсником — высоким парнем волейболистом Женей Стругановым. Ну и благодаря природной настырности вернулся в свою комнату с солидным фингалом под глазом; там находилась компания

друзей и уже несколько раз проигравшийся в карты и столько же раз бегавший в магазин за винишком Хизир.

— Владик, что с тобой, — спросил Хизир, — кто тебя?

— Сам разберусь! — Но по Владиду видно, что в данный момент он «разбираться» не в состоянии. — Козел!..

— Кто козел?!

— Струганов!

В то время пуля, которая продырявила его шею через много лет на чеченской войне, еще не существовала, посему Владик не картавил и особо не выражался.

Хизир молча отставил стакан в сторону и вышел. Буквально через пару минут в коридоре раздались визг и крики — это разъяренный чеченец ураганом ворвался в комнату к третьекурсникам, бесцеремонно схватил лежащего на кровати заслуженного волейболиста за длинные волосы и выволок в коридор, где на глазах у опешивших друзей стал его мутузить.

Картина избиения была довольно забавная: длинный Женя стоит раком, коренастый Хизир намотал волосы на кулак левой руки и не дает тому разогнуться, а правой и обоими коленями смачно отделяет обидчика своего друга. Никто вмешиваться не желает. Напоследок Хизир

презрительно всадил носок туфли в задницу стоящего на четвереньках Жени, после чего сплюнул и гордо удалился.

После всего этого надругательства Женя, приняв вертикальное положение, вытащив из своего тела заднюю часть штанины и чувствуя себя во всех смыслах обиженным, прихрамывая, побежал к своим однокурсникам — двум братьям-кабардинцам:

— Мужики, наших бьют!

— Кто?!

— Шылларов!

С чего он взял, что кабардинцы ему в чем-то помогут, — непонятно. Все население общаги стало свидетелем какой-то мутной, ни к чему не приведшей, разборки: кабардинцы минут пять, эмоционально жестикулируя руками, потолковали в коридоре с чеченцем на никому не понятном языке и, ничего не объясняя вызвавшему их Струганову, удалились.

Позже Хизир объяснил Владу, что многие кавказцы, даже разговаривая на разных языках, понимают смысл сказанного. Но смысл сказанного при этом Владу не объяснил.

Если бы подобный случай произошел в наше время, кавказцы, без сомнения, наверняка оказались бы крайними. А раньше ни национальности, ни вероисповеданию абсолютно никакого особого

значения нормальными людьми не придавалось. Протестант на Пасху мог запросто позвать к себе в гости православного соседа, причем неважно — старообрядца или какого другого, и дальше разбития крашеных яиц шума не было. Бывали случаи, когда праздник продолжался у соседа-мусульманина. Сразу оговорюсь, это не кощунство, такова уж природа нашего человека, а против природы, как известно, не попрешь. Банкет должен иметь целостный и завершённый финал: желающие на выбор танцуют мазурку, лезгинку, польку или, на худой конец, цыганочку. Если уж праздник сильно в голову вдарил, то и «евреечку» сбавить не возбраняется. У хорошей картинке должна быть красивая рамка.

Имелись, конечно, временами выпадать отдельных представителей уважаемой конфессии: «Наша вера правая, мы лучше всех!» — но это, как правило, приводило лишь к безобидным столкновениям шумных бабушек, фанатично любящих Бога и преданно — своих духовных лидеров. К какой-либо явной победе или вражде между верующими это не приводило.

На первом же попавшемся на нашем пути блокпосту тормознули легковушку, и водитель — молодой кавказец — как-то радостно согласился довезти нас до «Северного».

Так как расстояние до авиапорта было

довольно значительным, времени для разговоров, кроме стандартных вопросов — откуда, куда и как там у вас погода, тоже оказалось достаточным для того, чтобы парень рассказал нам свою историю. Чеченца звали Руслан.

В то время у меня и в мыслях не было, что когда-нибудь я буду излагать все эти рассказы на бумаге. По прошествии многих лет каждая фраза, услышанная мною там, на войне, обретает особый смысл. А изложенные без каких-либо комментариев эти повествования обретают множество направлений для размышлений.

Конечно, рассказывал он не так пафосно, как описано здесь, и не так длинно, но, уловив суть, можно и приукрасить. Вот его рассказ.

Стало известно, что войны все-таки не избежать. Русское население в срочном порядке покидало республику. По телевидению все чаще стали произноситься призывы вести борьбу с врагом. А кто враг — русские? Эта мысль была настолько абсурдна, что я никак не мог в нее поверить; мне казалось, что все вокруг просто спятили и весь этот ажиотаж с призывами в ополчение и с непонятными штабами скоро закончится. Утрясется и закончится. Хотя кто его знает, рыба-то гниет с головы. Посмотришь на Ельцина с нашим фюрером — Дудаевым, так только удивляться и приходится.

Вообще-то была у меня мысль: может, это я спятил, а все вокруг меня совершенно нормальные? Но потом на улицах появились люди с автоматами. Это как-то само собой произошло, будто так и должно быть. Появились вспышки насилия в отношении русскоязычного населения.

А у меня был друг детства, русский парень, Слава, в школе вместе учились, представляете, даже в армии в одном взводе служили. Мы с ним были как братья, жили в одном подъезде. Ну, покуролесили с ним одно время, шебутной такой был, девушки его любили...

Его семья уезжать не захотела, здесь осталась. А не надо было. Кто ж знал?... Убили его. Просто толпа на улице окружила и железными прутьями забила до смерти. Его мать после этого чуть с ума не сошла: тело сына на кусок мяса похоже было. Страшно вспомнить. Я потом на всякий случай автомат купил за два миллиона (до деноминации), чтобы его родителей защищать. Позже, когда стало ясно, что у власти стоят обычные бандиты, они уехали куда-то.

А автомат я потом уже за три миллиона рублей продал, денег хватило некоторое время прожить...

По всей видимости, на Сергея этот рассказ произвел сильное впечатление. Уже на борту вертолета он меня спросил:

— Слушай, Антоха, а ты бы защищал моих родителей?

Признаться, я не понял, о чем речь:

— От чего?

— Этот парень, чеченец, про одноклассника рассказывал. Если бы у нас дома такая же ситуация была, ты бы защищал моих родителей?

Надо сказать, Сергей — мой старинный друг.

«Мы здесь для того и находимся, чтобы спасти Р-родину! На нас с великой надеждой смотрит все прогрессивное человечество! Россия в опасности! На нас возложена почетная миссия...» Нет, этого я не говорил. Даже и не думал. Ответил просто:

— Конечно, Серега!..

Как ни высокопарно это звучит, но у каждого своя работа: мы здесь для того и находимся, чтобы дома не случилось подобной ситуации.

— Представить страшно...

— Надеюсь, до такого не дойдет.

Байка

*Раз споткнулся —
споткнешься семь раз.*

**Чеченская
пословица**

Полевая мышь, обнаружив в мусорной яме кусочек черствого хлеба, бежала домой, в свою норку, где ее с нетерпением ждали маленькие, недавно произведенные на свет мышата. Не забывая время от времени посматривать на хмурое недоброжелательное небо, откуда в любой момент могла спикировать смерть в виде орла или какой-нибудь другой большой птицы, как капелька ртути катилась она по известной только ей дорожке. Причем не забывала по пути придерживаться скоплений больших камней: под ними и между ними в случае внезапной опасности можно найти надежное прибежище.

Еще одна гряда; обогнув ее, мышь выбежала на открытое место и... в этот момент на нее наехало равнодушное ко всему живому колесо автомашины чеченского полковника.

«Уазик» с вооруженными лицами кавказской национальности, но разодетыми, как российские федералы, разве что почище и все поголовно в натовском камуфляже, притормозил возле БМП, с которой разгружались прибывшие с гор уставшие милиционеры. На лобовом стекле машины видна бумажка с изображением российского флага и печатью. Пропуск — значит, союзники, иначе бы в группировку не пропустили. По всему видно — сидящие в машине люди не могут сориентироваться: озираются, вроде ищут что-то.

Сылларов, проходя мимо, проявил здоровое любопытство; при этом, сам того не замечая, ступил ногой на то, что осталось от несчастной мышки (в природе все взаимосвязано: трагедия этой серой мыши косвенно отразится на дальнейших событиях в героической жизни Владислава).

— Здгавствуйте! — Заметив, что край накинутаго на плечо солдатского одеяла волочится по земле, поправил. Непроизвольно дал о себе знать ментовский рефлекс: — Кого ищем?

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался и полковник, представился: — Полковник Такой-то, чеченский УБОП. — На Владика это не произвело никакого впечатления, он на всяких насмотрелся. — А где здесь якутский командир?

Владик показал рукой направление:

— Во-он синий вагончик с антенной, там он. — И собрался было уже идти дальше, но полковник задержал:

— Слушай, тебя как звать? — Полковник с виду мужик солидный, но в сером выцветшем камуфляже выглядит по-боевому, простецки. — Вы — ногайцы?

— Владислав. Якуты мы.

— Ого! — Судя по всему, полковник, да и не только он, тоже удовлетворил свое любопытство, махнул рукой. — Поехали!

Хлопнули двери, машина рванула в сторону

вагончика, где проживали командиры группировки и отряда.

— Ого-ого... — задумчиво повторил Владислав вслед, и еще раз погромче, но с нотками восхищения, — о-го-го! — И направил стопы в сторону своей палатки, возле которой, сидя на снаряжном ящике, нес нелегкую службу молоденький мазутный вечный дневальный-постовой.

— Как дела, Костя, все пучком?

— О, Владик, привет! Прибыли? — Солдат заметил непорядок: — А у тебя одеяло по земле волочится!

— О, епти! — Поправил. — Что делаешь?

— Да них... да вот, облаками люблюсь...

Вечный дневальный — это, конечно, громко сказано: всего лишь неполных два месяца — это намного точнее будет. Костя проходил учебку в танковых войсках, его натаскивали на командира танка «Т-90». Буквально в последние дни перед выпуском командование решило провести учения, максимально приближенные к боевым, и заодно принять экзамены на уже всемирно известном танковом полигоне в Дарьяльском ущелье. Ущелье это находится на территории Северной Осетии; в свое время там, в высокогорных условиях, проходили горную подготовку отправлявшиеся в Афганистан спецназовцы.

Генералы с полковниками в присутствии приглашенных телевизионщиков с наблюдательной вышки понаблюдали за слаженными действиями танкистов в горных условиях, восхищенно поцокали языками — надо бы это дело по установившейся доброй традиции и отметить. По окончании приготовленных заранее запасов подзывают к себе лучший Костин экипаж, суют парням деньги наивных налогоплательщиков и отдают приказ как можно скорее доставить на вышку ящик водки. Ближайший интересный магазинчик находится выше — на территории Ингушетии, в мелкоотравчатом поселке Чми.

Танк вылетает из ущелья на шоссе, мчится мимо серьезно укрепленного пограничного блокпоста «Кавдаламит». Менты его не тормозят: мчится, значит, так надо, даже в ответ на Костино приветствие руками помахали. И надо ж такому случиться — мужик, хозяин заведения, уже закрывает дверь магазина на замок. Не успели! Костя, как самый главный в экипаже, просит хозяина поначалу вежливо: «Извините, пожалуйста, будьте любезны» и т. д. Хозяин некультурный попался, хамит: «Не видишь? Закрыто уже!»

А солдаты, надо сказать, весьма злы на местное население: не секрет, бывали случаи, когда солдатики частенько пропадали из этого ущелья, а «мирные жители» их потом либо перепродавали в

рабство, либо требовали выкуп у родственников. Но власти с командованием, несмотря на то что контрразведка обычно о таких делах была прекрасно осведомлена, почему-то не торопились выволять пленников. Правда, одному солдатику крупно повезло: с ним в зиндане сидел известный футболист, однофамилец; после получения денег за спортсмена по ошибке отпустили солдата: живи, говорят, свободным! Всем известный факт: продажа боевиками тел казненных солдат за огромные деньги матерям — тоже бизнес, поставленный на конвейер.

Конечно, были случаи освобождения заложников, но в основном только силовыми методами: либо во время жестких зачисток населенных пунктов силами федеральных войск, либо в результате предъявляемых злыми командирами подразделений ультиматумов главам администраций поселков: «Или отдавайте нам пленных солдат, или разнесем ваш поселок ко всем матушкам!»

Памятуя о таких случаях, а также о том, что генералы ждут-с, Костя, запрыгнув в башню, подает команду:

— Экипа-аж, на боевой расчет перейти!

Лязгают люки, механизмы.

— Наводчик, по вражеской цели — магазин сельпо, наводи!

Пока башня танка с угрожающим звуком разворачивается, поступает команда заряжающему:

— Кумулятивным снарядом!.. — Ствол орудия уже уперся в дверной замок, еще немного, и дверь вместе с проемом попросту выдавится.

— Не нада снарядом! — Хозяин грудью встал на защиту своего денежного станка и стал лихорадочно совать ключ в замок. — Берите-берите, не нада денег!

Костя широким жестом барина отдает хозяину заведения деньги и летит обратно за получением благодарности от генералов, торопится. На обратном пути, на Кавдаламите, менты все-таки осуществляют попытку остановить «Т-90»; оказывается, к ним тоже какой-то генерал прибыл с проверкой и со свитой, и необходимо, стало быть, показать ретивость в службе. Костя, чтобы никого не раздавить, подает команду остановиться; танк даже несколько занесло при торможении, отчего толпа бдительных проверяющих резво отскочила в сторону.

— Чего надо? — спрашивает из люка Костя, услужливо так, с готовностью оказать любую посильную помощь, но в то же время с достоинством. — Случилось что?

— Я генерал Такой-то (то ли Капустин, то ли Фаршев). Вы кто такие, почему не знаю, что тут ездите?!

Командир экипажа в клубах поднимающейся пыли все же разглядел генеральские погоны, но эмблемы вроде не войсковые, эмвэдэвские:

— Очень вас прошу (вырезано цензурой), будьте так любезны (вырезано цензурой), извините, пожалуйста (вырезано цензурой), торопимся, генерал! — И покати́л дальше.

Через некоторое время после получения благодарности от командования последовало торжественное срезание сержантских лычек перед строем — это хозяин магазина с тем генералом пожаловались руководству воинской части на солдатский беспредел и хамство.

С тех пор Костя подходил к любимому танку только темными холодными ночами, пока никто не видит, да и то — разогреть двигатель машины. Но тот факт, что телевидение успело показать лучший Костин экипаж и крепкое генеральское рукопожатие, грел материнское сердце дома и долгими промозглыми ночами душу Кости.

...Милое дело — спустился по вырезанным в земле и ладненько устеленным ивовыми прутиками ступенькам — и ты уже в сухости и тепле; приятно пахнет печным дымком, свежей заваркой. Вроде как даже и надежность ощущается: снаружи палатка мешками с камнями обложена. Его боевой товарищ, верный друг Рома Дилань, уже находится там. Солдат в палатке нет — редкое явление, никто

не шумит; дневальный на улице никому не мешает, так что можно прекрасно выспаться в тишине.

Владик развесил под потолком влажную одежду, с которой тут же закапала вода. Разогрели чайник, нашли в цинке от патронов, заменяющем сковородку, остатки кой-какой солдатской жарехи, поставили на печку, вскрыли сухпай с литрой, расставили на столе посуду, нарезали хлеб, смахнули крошки и мусор в буржуйку. Все эти манипуляции делаются быстро, без излишней суеты, движения четкие, наработанные. Сели.

— Хмурые и вялые...

— Мы сидим усталые...

— Чтобы душу возродить, нужно рюмочку налить!

— Наливай!

— Ну, как говорится, — Рома поднял кружку, — за «спокойной ночи»!

Владислав стукнул по ней своей, согласился:

— Ага, «за пгятных сновидений»!

Приступили к незамысловатой трапезе и умной беседе. С хорошим преданным и проверенным другом во время завтрака можно и подурачиться:

— Гом, я вот все думаю, покоя себе не нахожу: что значит твоя фамилия — Дилань?

— А хрен его знает, так что спи спокойно, дорогой товарищ.

— Ну как же, у всех же своя семейная истогия должна быть... — Хрум-хрум. — Вот Владика Богомольцева же знаешь?

— Ну... — Чавк-чавк. — Знаю.

— Так вот он гасказывал: его пгадед очень пгаведным, вегующим человеком был — из цегкви не вылезал... ты наливай, не сиди... ну, значит, люди все вгемя его и спгашивают, мол, что это за Богомолец там такой, на коленях все сидит, лбищем об пол стучится, молится?... — И кружками — туцк! содержимое — глык... — Хогошо-о... Ну, говогают: такой-то и такой, шибко вегующий, однако... вот и стал Богомольцевым.

— Ага, вроде слышал это где-то... А когда это было-то?

— Ну, я же говоگوю, пгадедушка — давно, значит. В то вгемя все в Бога вегили.

— Давно, значит... Вот у моего корефана — Джавата Исмаилова, ну, ты его должен помнить, уехал куда-то — тоже фамилия какая-то, с Кораном связана. А твоя фамилия что означает?

— Сыллагов? Ну, это ничего библейского, это с якутского — Поцелуев, или Поцелуйчиков.

— Да-а?! — удивился Рома. — А как это прилепилось-то?

— А у нас пгадедушка был, тоже темный, необгазованный... Ты не сиди, наливай... Тоже в цегковь постоянно ходил...

Рома, проявляя незаурядное мастерство, уже наливает: тютелька в тютельку — точнехонько поровну, по самый ободок.

— ...Батюшку все пгеследовал, гучку все лобызал.

— Из-за этого, что ли?

— Ну, давай тгетью, не чокаясь.

— Ага... — Глык. — Царствие им небесное.

С устатку друзей разморило. Владислава понесло в таком духе...

В старину его предки безграмотные были, темные, умели разве что батрачить да детей рожать. Долгожданный свет просвещения с собой принесли казаки, которые междоусобные войны и восстания подавляли; попы, крестившие людей целыми селениями, и при этом направо и налево неугодным фамилию Попов дававшие, а угодным — нормальные русские имена с фамилиями; и Екатерина II с последующими царями, которые ссылали на севера неугодных политических. А политические в свою очередь уже настырно занимались образованием туземцев и, озаботившись неважно выглядящей цифрой статистики и внушающей тревогу демографической обстановкой, повышали рождаемость в среде местного населения.

А в известном 1812 году этот самый предок, по имени Мефодий и по фамилии Попов, был